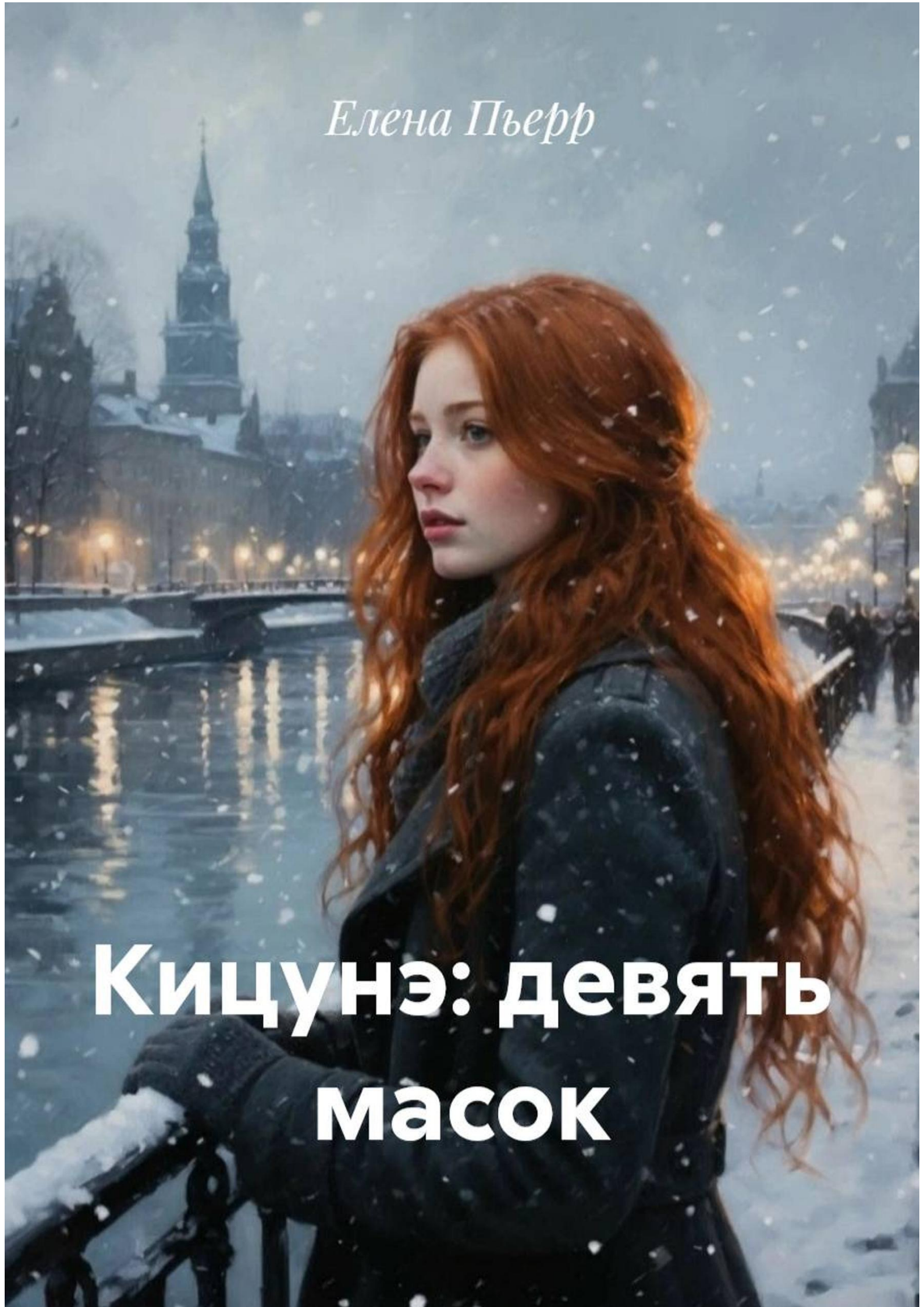


A woman with long, wavy red hair is shown in profile, looking towards the left. She is wearing a dark coat and is standing on a snowy street. In the background, there is a cityscape with a river, a bridge, and a large church with a tall spire. The scene is illuminated by streetlights, and there is a heavy snowfall.

Елена Пьерр

Кицунэ: девять масок

Елена Пьерр

Кицунэ: девять масок

«Автор»

2026

Пьерр Е.

Кицунэ: девять масок / Е. Пьерр — «Автор», 2026

Она — лиса-кицунэ, прожившая в Петербурге двести лет. Он — волк, коллекционирующий женщин и боящийся привязанности. Их любовь — череда уходов и возвращений, измен и клятв, масок и зеркал. Однажды после очередного расставания она начинает снимать с себя всё, что когда-то носила ради него. Маску удобной. Маску загадки. Маску жертвы. Девять слоёв защиты, под которыми, кажется, уже ничего нет. Но именно в этом «ничего» она находит себя. «Кицунэ: девять масок» — психологическая повесть с элементами магической прозы. История о том, как перестать быть чужой тенью и стать светом для самой себя. От автора: Все имена, события и обстоятельства, описанные в этой истории, являются вымыслом. Любые совпадения с реальными людьми или событиями случайны.

© Пьерр Е., 2026

© Автор, 2026

Содержание

~~	5
I. Вода в ванной	6
Конец ознакомительного фрагмента.	7

Кицунэ: девять масок

~~

(с) Елена Пьерр, 2026. [Официальная страница автора](#).

Все права защищены. Повесть «Кицунэ: девять масок» опубликована на портале Литрес.

Возрастное ограничение: 16+

~~

Все имена, события и обстоятельства, описанные в этой истории, являются вымыслом. Любые совпадения с реальными людьми или событиями случайны.

I. Вода в ванной

Вы когда-нибудь пытались снять лицо? Не чужое — своё. Просто взять и отодрать от костей то, что люди называют «я». Я — да. Пробовала. Несколько раз. Особенно по ночам, когда снег идёт так густо, что не видно фонарей на той стороне Невы. Кажется, если снять достаточно глубоко, под кожей окажется что-то настоящее. Может быть, шерсть. Может быть, огонь. А может быть, опять снег.

Он говорил, что снимает маски. Ему казалось, он эксперт. Вскрывать, находить скрытое, ставить диагноз с первого взгляда. Диплом по судебно-медицинской экспертизе. С отличием. Он любил это повторять с бархатной лентой, растягивая слова, будто пробовал их на вкус. С моим лицом обращался, как с капустным листом — слой за слоем, надеясь добраться до улик. До того, что подтвердит: я не та, кем кажусь. А когда добрался, там оказалось зеркало. Он увидел себя и разозлился. «Как же так, — сказал он, смакуя разочарование, — я любил не себя».

Может быть, и не себя, но и не меня. Он любил процесс. Снимать маски — это так интимно, так по-врачебному, так по-охотничьи. Он завязывал пояс белоснежного халата с видом хирурга, который только что закончил операцию и остался недоволен пациентом. Я была дичью, которая сама легла под нож. И не единственной — я знала это. Он возвращался в номер с чужими запахами, с томным блеском сытого зверя, и я делала вид, что не замечаю. Он любил женщин. Он восхищался их телами и их податливостью. Он коллекционировал их слёзы: всех цветов и калибров, но больше всего ценил искренние и живые. Он мог бы написать о них монографию или составить каталог. Но по-настоящему, той подкожной, звериной любовью, которой боялся сам, он любил только меня. А я любила его. Просто у нас всё было сложно. Невыносимо, невозможно, по-волчьи сложно.

Но у меня есть свои маски. И я снимаю их иначе. Не для него — для себя. И не с ножом, а с чашкой чая, в тишине, когда он уже ушёл и дверь хлопнула, а я жду, когда замрёт эхо его шагов. Шагов, которые уносят его в город, в лес, в очередную берлогу с камином и книгами, где он будет сидеть в одиночестве, разговаривать с собой и перебирать свои воспоминания.

Вы знаете, как пахнет утренний Петербург в апреле, когда снег только-только перестал? Сыростью, мокрым асфальтом и почему-то яблоками, хотя яблони цветут в мае. Я вдыхала этот запах каждый раз, когда он уходил. И думала: «Как хорошо, что я не плачу». Не потому, что не больно. А потому, что он сказал однажды, поправляя воротник идеально скроенной шинели: «Твои слёзы — это манипуляция. А я таких вещей не выношу, детка». С тех пор я плачу в ванной, включив воду. Вода шумит, слёзы не слышны.

Я думала, это любовь — уважать его страх перед ошейником. Я знала: он панически боится стать чьей-то собакой. «Полюбить — значит вилять хвостом у чужих ног» — говорил он своим бархатным баритоном, и в этот момент даже предательство казалось частью высокой волчьей философии. Я кивала. Я поджимала хвосты, которых у меня — у лисы — было целых девять, но он об этом не знал. Я была удобной. Я не спрашивала, где он был ночью. Я не нюхала его рубашки. Я улыбалась, когда в его телефоне мелькали чужие имена с сердечками.

Когда я сняла эту маску, я впервые за десять лет громко, в голос, завывала. Не заплакала — завывала. Как волчица, которой жалко себя. Мне стало легче. Вода была не нужна. Я поняла: быть удобной для того, кто неудобен самому себе, — это не добродетель, а способ медленно исчезнуть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.